

говорили они: „и ѣхать — куда? на край свѣта! Здѣсь тебя всѣ знаютъ, у тебя золотыя руки, легко можешь зарабатывать свой кусокъ хлѣба... а тамъ Богъ еще знаетъ, что будетъ?“...

Но страсть сильнѣ логики: я остался при своемъ. Именно тогда я познакомился съ однимъ большимъ провинціальнымъ идеалистомъ, вѣровавшимъ во все печатное, въ особенности въ нѣмецкія книжки. Онъ любилъ говорить обо всемъ возвышенномъ и объ искусствѣ въ особенности. Былъ онъ землемѣромъ и считалъ себя артистомъ. Я очень полюбилъ этого человѣка, несмотря на то, что за нимъ водились кое-какіе грѣшки. Какъ настоящій артистъ, онъ вѣчно бѣдствовалъ и иногда слегка запивалъ свое горе. Въ подобныя минуты онъ былъ особенно словоохотливъ.

— Это—стадо барановъ! — говорилъ онъ съ жаромъ, указывая на людскую толпу, проходившую мимо насъ. — Они живутъ безъ души, безъ чувства... Живутъ изо дня въ день, какъ эгоисты... Не смотри на нихъ! Ты—художникъ, царь природы! ты долженъ не работать, а творить... и только тогда, когда муза твоя захочетъ. Они не понимаютъ меня, и потому я несчастенъ. Совѣтую тебѣ: бѣги отсюда, бѣги въ храмъ искусства; тамъ увидишь все, всему научишься... Увидишь работы первѣйшихъ свѣтилъ въ мірѣ: Микель-Анджело, Рафаэля... на колѣни станешь, будешь молиться передъ ними, чтобы они вдохновили тебя... Вотъ,—указывалъ онъ опять на мимо-идущихъ:—они ничего не знаютъ, имъ ничего не нужно... но ты, ты—камень нешлифованный!

Я съ робостью спрашивалъ, видѣлъ ли онъ работы этихъ величайшихъ геніевъ въ мірѣ.

— Нѣтъ,—со вздохомъ отвѣчалъ онъ:—читалъ о нихъ много... Представляю себѣ: это были боги, а не люди.

Иногда онъ рассказывалъ мнѣ про великихъ мастеровъ: что такой-то придворный художникъ работалъ только часъ въ день, во время восхода и заката солнца; затѣмъ онъ прибавлялъ, что истинные художники только такъ и работаютъ. Рассказывалъ онъ еще, что другой великій художникъ долженъ былъ сдѣлать „Страданія Христа“. Что значить человѣческая жизнь въ сравненіи съ вѣчно-геніальнымъ твореніемъ? Нашелся человѣкъ, который охотно отдался на мученіе ради увѣковѣченія страданій Христа. Художникъ создалъ чудо и самъ сейчасъ умеръ. Кончивъ свою картину, онъ сталъ любоваться ею, постепенно отходя назадъ, и, совершенно забывъ, что стоитъ на подмосткахъ—упалъ и Богу душу отдалъ. Всѣ эти рассказы я слушалъ съ замираніемъ сердца: